

Светлана Тюхтенева
(Москва)

ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ У АЛТАЙЦЕВ

Двадцатый век стал для алтайцев временем крупных социальных, политических, экономических и культурных преобразований. За исторически недолгий период, примерно с 1920-х по 1960-е годы, кочевники-скотоводы Горного Алтая превратились в большинстве своём в оседлое сельское население, занимающееся не только животноводством в рамках коллективных хозяйств, но и освоили ранее неизвестные их культуре профессии, новые жизненные навыки.

Вместе с тем, ссылаясь на полевые этнографические наблюдения, социокультурной трансформации подверглись не все компоненты этнической культуры. И, более того, не все произошедшие и происходящие изменения в жизни алтайцев можно характеризовать как аккультурацию и трансформацию. Это, в частности, касается жизни семьи и её повседневных практик. В сфере частной жизни бытуют такие традиционные практики, как социализация детей и привитие им различных навыков. Следует отметить, что, говоря о сохранении традиционных этнокультурных практик в повседневной жизни алтайцев, речь идёт о тех из них, которые проживают в сельской местности, и, как правило, в моноэтнических сёлах или в деревнях с преимущественно алтайским населением. Материалы, послужившие основой для этого сообщения, нами собраны среди южных алтайцев на протяжении последних более чем двадцати лет.

Нами будут освещены лишь два аспекта социализации детей у алтайцев – это приучение младенца к туалету и введение его в родственный круг.

Алтайцы выделяют следующие основные возрастные категории ребёнка от рождения и до того времени, примерно до трёх лет, когда он начнёт ходить и говорить:

– от рождения до 3 месяцев – *су јаш бала* – новорождённый, совсем маленький ребёнок;

– с 4 месяцев – *тиш чыккан бала* – ребёнок, у которого появились первые молочные зубы;

– в 6–9 месяцев – *эчмек бала* – ползающий младенец;

– с 9–11 месяцев – *базыт баштаган бала* – ребёнок, начавший ходить;

– с 12–14 месяцев – *тили чыккан бала* – ребёнок, начавший говорить (букв. «с языком появившимся ребёнок»).

От рождения и до двух-трёх лет, если всё это время ребёнка кормят грудью, такого ребёнка относят к категории *эмчек бала* – грудной ребёнок, грудной младенец.

Буквальное значение первого словосочетания *су јаш бала* можно объяснить таким образом: *суу*, с одной стороны, имеет значение «вода», «мокрый» и в данном контексте означает «только что родившийся, ещё мокрый». С другой стороны, *су* используют как частицу-усилитель значения второго слова *јаш* – «свежий», «молодой», т. е. «совсем молодой», но это слово означает и «возраст». *Бала* – это ребёнок вообще, без указания возраста и пола, но также так именуют (табуируют) и девушку в период проведения цикла свадебных обрядов. Остальными наименованиями описывают стадии роста ребёнка по основным характерным видам деятельности – сосание материнской груди, появление первых зубов, ползание, хождение и произношение первых осмысленных слов.

Таким образом, новорождённый – это только что родившийся, ещё «сырой/мокрый» младенец, пол которого преднамеренно не указан, здесь содержится намёк на то, что пол ребёнка – женский. Соккрытие пола ребёнка в случае, если это мальчик, вполне понятен, имея в виду патрилинейность и родовую экзогамию у алтайцев. В традиционной алтайской семье собственность наследовалась младшим сыном (минорат). Несмотря на широкое применение ультразвукового исследования и раннее определение пола плода, алтайцы сохраняют стереотип – пол не указывать при сообщении о сроках беременности и при рождении младенца. Истоки такого поведения, а также «обман» и табуирование при рождении мальчика связаны со стремлением сохранить жизнь новорождённого от духов *инога мира*. Говоря, в буквальном переводе, «Имярек “нашла ребёнка”», т. е. «родила», сообщают как бы не о рождении ребёнка, а просто о факте его появления.

Вопрос о том, девочка или мальчик родился, задают в виде традиционного вопроса-загадки в различных вариациях, основанных на гендерном распределении будущих хозяйственных обязанностей: «Козу доить будет или на козулю охотиться будет?», «Шапку шить будет или на волка охотиться будет?» и т. д.

В первый год жизни мать проводит с младенцем очень много времени, следя за тем, чтобы вовремя перепеленать, накормить и обиходить его. Начиная с одного-двух месяцев малыша приучают к туалету. Для этого ребёнка усаживают так, чтобы спина и головка его покоились на животе матери, а попка находилась между бёдер. Усадив ребёнка таким образом, мать двумя большими пальцами рук (а остальные пальцы тем временем поддерживают ноги под коленями) поглаживает ямочки сбоку от коленной чашечки, все время приговаривая *чишиши* (звукоподражание от существительного *чяш* – «моча»). Мать спокойным, ласковым голосом объясняет малышу, что сейчас он будет делать, одновременно лаская его и играя с ним. До того времени, пока ребёнок не будет приучен к обычному «горшку», им служит таз (в позднее советское время, когда выписывать газеты была обязана каждая семья, использовали старые газеты). Приучение к такому туалету требует много времени и терпения, однако впоследствии освобождает от необходимости частой смены одежды. Даже при наличии одноразовых подгузников («памперсов») большинство матерей использует этот традиционный способ под руководством старших родственников. К семи-восьми месяцам, а к одному году тем более, от ребёнка ожидают подачи невербального сигнала или слов о том, что ему пора на «горшок». Для этого каждый раз, когда малыш намочит одежду, ему укоризненно выговаривают: «Почему ты не сказал, что хочешь на “горшок”? Ты ведь уже достаточно большой, чтобы дать мне знать об этом». Сама же мать внимательно следит за тем, чтобы вовремя произвести эту процедуру, называемую *бала тоскоор*, в том числе и ночью. Она наблюдает за поведением малыша перед тем, как он намочит или замарает ползунки с тем, чтобы подгадать время усаживания на «горшок», приучивая его ко времени пробуждения и кормления. Исходя из этого, вероятно,

термин *бала тоскоор* можно объяснить как принуждение малыша к мочеиспусканию и испражнению над специально подставленным сосудом. Поскольку слово *тос-* в качестве глагольной основы означает «подкарауливать, перехватывать, преграждать путь», а также «рассеиваться, разбиваться на мелкие части, разбегаться в разные стороны», а существительное *тоскуур* означает «корыто, колода», то *тоскоор* можно перевести как «подкарауливание мочеиспускания».

В дальнейшем, если трёх-, четырёхлетний ребёнок случайно помочится в штаны, мать и ребёнок воспринимают это как катастрофу, а также как признак нездоровья ребёнка.

Это один из главных жизненных навыков, которому нужно обучить ребёнка на первом году жизни. Если малыш не обучен гигиене и продолжает мочиться в штаны, в постель, то сообщество родственников и знакомых выражает крайнее недовольство и осуждение родителям. Мать, которая не привила своему ребёнку полезный навык, в доме которой стоит устойчивый запах мочи, считают *шалырт*, т. е. невнимательной, беспечной неграмотной. Эта традиция, выработанная в суровых условиях кочевничества, и сейчас является положительной практикой, способствующей сбережению здоровья.

До середины XX в. в качестве средства, обеспечивающего сухость ребёнка, лежащего в колыбели, применяли траву, называемую *айу чач* – «медвежьи волосы». Её подстилали слоем под ягнью шкурку, служившую пелёнкой, так, чтобы моча протекала сквозь тонкую шкурку. Такую же жёсткую траву, называемую *ойонот* (осока болотная), использовали в качестве обувных стелек – *ылтармыш*.

Для приучения к физиологической опрятности и сухости до начала 1970-х годов пожилые алтайки практиковали ношение детьми одного-трёх лет штанишек без ластовицы, чтобы ребёнок мог самостоятельно справлять нужду. К сожалению, сфотографировать штанишки без ластовицы нам не удалось, однако при расспросах большая часть информанток смеялась, ведь все их дети выросли в таких штанах, но сохранить их никому и в голову не пришло. До широкого распространения ткани как основного материала для изготовления одежды – это 30–40-е годы XX в. – её традиционно изготавли-

вали из кожи, войлока, меха. Детскую одежду также шили из тонкой овчины, за исключением «собачьей» рубашки младенца из лоскутков ткани. Стирать такие штаны было нерационально, поэтому их шили без ластовицы. В случае загрязнения экскрементами их отскребали, затем вновь мяли. И детские, и взрослые штаны называли *јаргак* (дъаргак) *шалмар/шантак/штан* – овчинные кожаные штаны. Ластовица по-алтайски – *алгак*, и, соответственно, детские штаны без ластовицы – *алгак јок шантак*. Наличие в штанах ластовицы служило еще одним поводом для старших подшутить над четырёх-, пятилетними детьми; как правило, таким образом подшучивали юноши и мужчины. Обычно они спрашивали у мальчика: «Какие красивые у тебя штаны! Новые? Мама сшила?». Дожидались ответа, затем говорили: «А ластовица есть?». И просили показать ее, смеясь, затем резюмировали: «Так ты уже большой стал, вырос так, что не писаешься и потому штанишки с ластовицей носишь!!!».

Всеобщее доброжелательное отношение к детям, особенно к младенцам, проистекает из представлений о них как о наиболее беспомощных членах социума. Вместе с тем, в этом отношении превалирует мысль о том, что ребёнок – это будущий член общества. Метафорически эту мысль выражают пословицей «*Аш – кылгада, бала – јашта*», означающую «Зерно – в колосе (по нему уже известно, каков будет урожай), ребёнок – в младенчестве (вырастет таким, как воспитаешь)», примерно эквиваленте поговорки «Что посеешь – то и пожнёшь». Поэтому так важно научить ребёнка понимать, согласно мировоззрению алтайцев, что такое хорошо и плохо, сладкое и солёное, как относиться к старшим и младшим, используя для этого весь арсенал этнической культуры. Этим обучением занимались не только родители, старшие дети, но и каждый из окружающих ребёнка людей – соседи, их дети, старики.

В первый и последующие годы жизни ребёнка приучают к тому, чтобы он не чурался людей и охотно шёл на руки к взрослым и детям. Для этого мать использует любой удобный случай, чтобы вначале привить ребёнку чувство безопасности, знакомя его с каждым родственником. Достигается это путём многократно-

го повторения ласковым тоном: «Смотри, дитя моё, кто пришёл. Это кто? Это твой дедушка (бабушка, дядя, тётя, сестра, брат...)», когда те заходят их проведать. Общепринятая манера общения с малышом у алтайцев такова, что вошедший человек спрашивает нарочито испуганным или удивлённым тоном: «О, а это кто? Что это за человек такой?». Мать отвечает в благожелательно-шутливым тоне: «Это наш ... (называет имя. – С. Т.)». Представляемый, в свою очередь, демонстрирует свою готовность общаться и играть с ребёнком – причмокивает, цокает языком, гулит и всячески поощряет проявление интереса к себе. Затем он, продолжая разговаривать, берёт ребёнка на руки и обнюхивает, причмокивая, целует его в голову, треплет за щёчки. Мать в это время спокойным и ласковым голосом повторяет ребёнку: «Это твой брат (дядя...)». Обнюхивание головы, волос и туловища ребёнка является одновременно видом поцелуя, ласки и игры. Оно сопровождается шумным вдохом-выдохом и словами. Так могут делать все, кто берет малыша на руки. Обычно, обнюхав голову ребёнка, говорят: «Фу, какой вонючий! Какое вонючее дитя моё!», подразумевая «какой сладко пахнувший ребенок». В отношении младенцев вообще избегают употреблять слова с позитивным смыслом, как, к примеру, «красивый», «симпатичный», так и негативные слова, связанные с упоминанием духов подземного мира, например, можно ругать ребёнка словами «собачий детёныш», но нельзя говорить «чёртов детёныш». Обычно вместо имени ребёнка его чаще зовут *кызынак*, если это девочка, или просто *бала/баламай* – «дитя» со всевозможными вариациями, в т. ч. *бала-зёнок*, добавляя к алтайскому «бала» русский уменьшительно-ласкательный суффикс «-зёнок». Большое значение магии слова характерно для этнической культуры алтайцев вообще в отношении к младенчеству и детству – особенно. До трёх лет малыша могут называть «большой человек», «старший человек», обращаться к нему на «Вы». Здесь, возможно, имплицитно присутствует представление о том, что душа ребёнка до воплощения обитала в ином мире, мире предков.

Специфическим способом ласкать ребёнка – обнюхивать и щекотать губами и носом низ его живота, промежность –

могут только родители и самые близкие люди. Обычно, обнюхав низ живота, восклицают: «Уф, что это? Чем тут пахнет? Тьфу! Что это?». Щекотка и восклицания вызывают у ребёнка смех. Дольше всего, лет до пяти, так играют с мальчиками, заменяя обнюхивание щекоткой пальцами низа живота. У мальчика спрашивают: «Что это?», и указывают на его половой орган, затем называют: «Это *чоромой*», и просят «дать табачку». Таким образом, с мальчиком играют только мужчины и пожилые женщины. Возможно, просьба некогда звучала не просто как «Табачку дай» («*Таңкы берзең*»), а «*Каңза берзең*» («Трубку курительную дай»). Сегодня же, зачастую, эту фразу говорят по-русски. *Чоромой* или *чороной* называют только детский половой орган. Это слово является метафорой *чорго*, означающего «кран», «трубка самогонного аппарата».

Семантическая связь между детским половым органом *чор-* (+ словообразовательный суффикс «о» + окончание «ой») и «трубкой самогонного аппарата» построена на акциональной аналогии: трубка *чорго*, из которой капает жидкость, составляет первую часть слова *чор-*, означающего то же самое действие. Тут также использовано звукоподражание «шоррр», описывающее журчание, например воды в ручье – «шорло-», и аналогичное действие, производимое мальчиком; связь между трубкой для табака и органом мальчика построена на аналогии форм – традиционная алтайская трубка для курения имела короткий мундштук и округлую чашку. И молочную водку, получаемую путём перегонки в самогонном аппарате, и табак алтайцы относят к категории *ачу аш* – «горькой пищи», их одновременно употреблять не рекомендуют. Аналогичным вкусом обладает моча детей, используемая в качестве лечебного средства. Следовательно, игра с мальчиком связана с обширным комплексом представлений алтайцев, относящихся к обрядам жизненного цикла, – мальчик женится, и на его свадьбу окружающие будут готовить молочную водку; у него родятся дети, которых иногда называют *Ўрен* – «семья»; когда он умрёт, для него в последний раз кто-нибудь раскурит трубку.

Для введения в родственный круг мать с ребёнком ходит в гости, чтобы он «видел лица людей», «чувствовал запах родствен-

ников». Ребёнка, не приученного к тому, чтобы с ним кто-либо, кроме матери, разговаривал и брал на руки, называют «плохим», «диким», «не желающим смотреть на лица людей». Помимо того, что мать знакомит родственников со своим ребёнком, она вводит его в ближний семейно-родственный круг. Это начальный период социализации ребёнка.

К четырём-пяти годам ребёнок обычно хорошо запоминает, кто из ближайших родственников ему кем приходится, при условии, что достаточно часто их видит. При довольно большом числе родственников по матери и по отцу чаще всего ему называют имя и степень родства, чтобы он лучше запомнил: старшая сестра Чечек, старший брат Амаду, младший брат Айас, младшая сестра Торкош, дядя по матери Мерген и т. д. Для бабушек и дедушек есть особые термины, означающие родителей отца и матери ребёнка, которые, как правило, называют только по родству, а не по имени. К этому же возрасту ребёнок должен усвоить, что к старшим следует обращаться только на «Вы».

Чтобы научить ребёнка говорить, практически каждый из членов большой семьи прикладывает свои усилия. Это может быть как пяти-семилетний ребёнок, так и старик. Делается это путём многократного повторения-игры в спокойной обстановке, когда ребёнок сыт и выспался. Как правило, обучение начинают с того, что показывают на какую-либо часть своего лица (например нос) и называют его. Потом показывают на нос малыша и называют. Затем спрашивают: «Нос где?». Таким образом, постепенно, на самом себе ребёнок узнаёт названия всех частей тела.

Обучение говорению и игра происходят на глазах у других родственников, всячески выражающих одобрение и восхищение ребёнку в его попытках повторять слова и действия. Он же, ощущая атмосферу благожелательности и игры, всеобщего внимания, запоминает это и в дальнейшем охотно отзывается на игру и обучение. Некоторые старики обучают детей скабрёзным словам, мотивируя свои действия тем, что так ребёнок быстрее научится говорить. Действительно, ребёнок легко запоминает эти слова, поскольку каждый раз, когда он их произносит, окружающие реагируют смехом.

В период раннего детства ребёнка приучают к тому, чтобы он всегда делился пищей и игрушками с другими детьми и взрослыми. Для поощрения желаемого поведения – чтобы ребёнок всегда делился гостинцами – взрослые, особенно старики, радостно принимают от него конфету или печенье и высоко поднимают руку с угощением (но не обязательно с угощением, это может быть и любая другая вещь – игрушка, предмет утвари), восклицая: «*Чуучак! Балам јакшы! Јаан бол, баатыр бол!*» («*Чуучак! Дитя моё хорошее! Большим вырасти, богатырём стань!*»). Затем они могут через некоторое время вернуть ему сладости либо съесть. Рассуждая о пользе щедрости, обычно приводят поговорку «*Учкашканы – јорголу, јлешкени – амтанду*» («*Если ехать вдвоём на одном коне – иноходь будет мягче, если поделиться – вкуснее*»). Воспитание навыка делиться пищей, безусловно, важный элемент традиционной народной педагогики, сложившейся в условиях кочевничества и натурального хозяйства, основанного на коллективном характере жизни. Но, более того, в поощрении желания делиться пищей и иными вещами можно видеть архаичные представления о судьбе и о доле.

С трёх-четырёх лет, особенно если в семье есть старшие дети, ребёнок постепенно входит в детский коллектив. Вначале он играет с ними внутри жилища, затем начинает выходить во двор. Если малыш является первым ребёнком, то к нему приглашают поиграть и понячиться дочь близких родственников или друзей, соседей. Если же в семье уже есть дети, то с трёх лет малыша передают на их попечение: старшие должны следить за тем, чтобы он был сыт, сух и не плакал.

Алтайцы достаточно негативно воспринимают детский плач. Они считают, что плач, прежде всего, – это сигнал о каком-то неблагополучии. До того времени, как ребёнок заговорит, его считают ясновидящим и ясновыслушающим. К примеру, он может «видеть», что человек вскоре умрёт, и потому пожилые люди с неохотой берут на руки детей, если те плачут, видя их. До появления речи ребёнок более относится к миру природы, чем к миру людей, поэтому, видимо, умерших до года детей ранее хоронили в дуплах деревьев. Сейчас же умерших до года детей хоронят так

же, как и остальных умерших, но не проводят никаких похоронно-поминальных обрядов.

Плач также может быть сигналом о физическом нездоровье ребёнка. Затяжной непрерывный плач ребёнка (как и вой собак) воспринимают как предвестник неприятности, чаще всего – знак близкой смерти кого-либо из родственников. (Хотя так же воспринимают плач взрослого человека: нельзя, к примеру, очень долго оплакивать покойного, иначе придётся хоронить ещё одного члена семьи, считают алтайцы.)

Слёзы сопровождают смех, что утверждается в пословице «*Каткы бажы калак*» («Смеха конец – начало горю»), поэтому алтайцы негативно воспринимают долгий, чрезмерный или беспричинный смех. Особенно это касается долгого сильного (взахлёб) детского смеха.

Период раннего детства оканчивается, когда ребёнок научается самостоятельно ходить, есть и говорить. Алтайцы считают нормой, когда ребёнок начинает ходить к полутора годам. Часто случается, что ребёнок начинает ходить уже в девять-десять месяцев, держась при этом либо за руку, либо за стенки мебели. От полутора до двух с половиной лет он начинает довольно внятно говорить некоторые слова, помимо обиходных слов «мама», «папа», «молоко», «пить» и др. С трёх-четырёх лет ребёнок должен знать своё имя, имена мамы и папы, родных братьев и сестёр, других близких родственников.

Детские игры и фольклор направлены, прежде всего, на обучение ребёнка счёту и знанию терминов родства. Все эти знания ребёнок должен получить до достижения им того возраста, когда включается в игры коллектива сверстников. Этот период в жизни ребёнка родители, бабушки, дедушки, другие близкие родственники стараются максимально использовать для обучения, называя его *бала ойынга киргелекте* («до того, как ребенок не вошёл /не включился в игры»).

Очень часто детей в возрасте двух-трёх лет увозят к дедушкам-бабушкам, если в месте проживания родителей нет детских садов и ясель либо если мать или оба родителя студенты. Чаще всего так поступают горожане и жители районных центров, родители которых живут в сёлах. Инициаторами временного воспита-

ния ребёнка бабушками-дедушками могут выступить как сами молодые родители, так и их родители. Мотивов с обеих сторон достаточно: отсутствие места в детском саду или частые болезни ребёнка, отсутствие у молодых собственного жилья, строительство оно, развод и многое другое. Главной причиной можно считать стремление к полноценной социализации и воспитанию ребёнка в родственной психологически комфортной среде. Молодые родители обычно забирают своего ребёнка лишь тогда, когда ему нужно идти в школу. Однако, если родители ребёнка не имеют возможности, из-за характера своей работы, сопровождать и забирать его из школы либо живут далеко от неё, он может оставаться в семье бабушки до окончания начальной школы. Или же бабушка вместе с внуком перебирается жить к родителям ребёнка.

Этнокультурное воспитание как в традиционной, так и в современной культуре большей частью прерогатива бабушек и дедушек. Те из них, кто проживает в сёлах, практически всегда ведут детей от трёх до семи-восьми лет с собой на всевозможные праздники, свадьбы, пиршества, считая, что дети должны воочию видеть, как совершаются обряды, должны учиться вести себя среди большого количества людей, а также знакомиться с родственниками, односельчанами. Однако, если учесть, что большей части нынешних «дедов» и «бабок», как правило, всего 45–50 лет, они выросли в советский период, получили обязательное среднее или высшее образование, то можно предположить, что они могут дать внукам лишь самый минимум этнокультурных познаний.

Этнокультурному воспитанию дошкольников определённое внимание уделяют государственные учреждения. Так, в ведомстве городского отдела образования г. Горно-Алтайска имеется один детский сад с двумя группами, воспитание и обучение в которых ведётся на алтайском языке. Такие же группы имеются в части районных центров и в нескольких крупных сёлах с моноалтайским населением. Их курирует Министерство образования, науки и молодёжной политики Республики Алтай, по заказу которого пишут и издают различные методические пособия и программы для воспитателей дошкольных учреждений, книги для детей.

Резюмируя, следует ещё раз обратить внимание на то, о чём писали многие исследователи этнических культур: в культуре народа одновременно сосуществуют элементы культуры глобальной, массовой, внеэтнической и элементы культуры традиционной, этнической. На примере быта алтайцев прослежено, что традиционная культура продолжает функционировать в семье, где она может беспрепятственно воспроизводиться, тем более, если эти навыки связаны с сохранением здоровья.